

ДУША КАК ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ СУБСТАНЦИЯ И «ЖИВАЯ ИДЕЯ» В ФИЛОСОФИИ Г.В. ЛЕЙБНИЦА

© 2014 Н. А. Меркулова

аспирант каф. философии
e-mail: natalia.merk@yandex.ru

Курский государственный университет

В статье дается характеристика монады как феномена бытийно-личностного акта, обретающего в философии Г.В. Лейбница статус субъекта. Автором анализируется сущность души как представляющей субстанции и бессмертия как ее фундаментальной характеристики.

Ключевые слова: субстанция, субъект, монада, душа, бессмертие.

Проблема субстанционального обоснования мира одна из ключевых в Новоевропейской метафизике. Философская концепция Г.В. Лейбница являлась тем фундаментальным горизонтом, в котором кристаллизовалась и получала свое обоснование метафизика субъективности Нового времени.

Дуализму Р. Декарта и монизму Б. Спинозы Г.В. Лейбниц противопоставляет субстанциональный плюрализм: монад бесконечное множество, весь мир состоит из них. Все монады вечны: «Никак нельзя вообразить себе способа, каким субстанция могла бы естественным путем погибнуть» [Лейбниц 1982: 636]. Лейбниц отвергал протяженность, на что указывал ещё Б. Рассел: «Его обоснование этого состояло в том, что протяженность включает в себе множественность и поэтому может принадлежать только совокупности субстанций; каждая единичная субстанция должна быть непротяженной» [Рассел 1993:100]. В этой связи Лейбниц отмечал: «Сущность тела не состоит только в протяженности, т. е. в величине, фигуре и движении, но ... в нем необходимо признать нечто имеющее сходство с душами и называемое обыкновенно субстанциальной формой, хотя оно и не производит никаких изменений в явлениях, так же как и душа животных, если только последние имеют ее» [Лейбниц 1982: 134–135]. Ключевым атрибутом монад является мышление.

Под основанием субстанции Лейбниц полагает силу. Вступая в полемику с Р. Декартом, Лейбниц отмечал, что постоянным и неизменным является не количество движения, а величина силы. Сила сама по себе может выходить за пределы всякой протяженности. Чтобы быть истинно объединяющими началами, монады не должны быть пассивны, ведь всё пассивное, по сути, негативно. Именно в пассивности тел Лейбниц обнаруживал наибольшее противоречие в концепции Декарта, он доказывает, что не одна только протяженность составляет сущность тел.

Лейбниц писал: «Итак, я нашел, что природа этих форм состоит в силе; а отсюда вытекает нечто аналогичное сознанию и стремлению, и, следовательно, их нужно понимать наподобие того, как мы представляем себе души» [Лейбниц 1982: 272–273]. Таким образом, у Лейбница сила обретает статус метафизической величины. Как отмечает К. Фишер, «новым основным понятием является сила, этот принцип совершенно нематериален, им должны быть объясняемы явления материи, но при этом не следует, подобно картезианцам и окказионалистам, прибегать к этому принципу как к посторонней мощи, чудотворно воздействующей извне, а следует понимать, что сила

заключается в самой сущности вещей, как их собственная изначальная способность» [Фишер 2005: 330]. Сила, в отличие от протяжения, претендует на позицию изначальности, она не имеет зависимости от чего-либо, ее исключительность в том, что она объединяет духовное и телесное: по своей сути она нематериальна, но и телесная природа так же невозможна без силы. Это исключительное качество силы придает ей статус изначального принципа, присущего субстанциальному первоначалу всего сущего.

Лейбниц наделяет монады активным принципом единства, делая его тем самым положительно объединяющим. «Поскольку монады являются элементами единства в многообразии, то Лейбниц рассматривает их как активные, энергичные центры, аккумулирующие в себе объединяющую силу» [Торубарова 1994: 118]. Эти центры не нуждаются в объединении, так как они сами изначально являются объединяющими и в этом смысле всегда активными. Лейбниц называет данные метафизические точки *vis primitiva* – изначальной, простейшей силой. Сила отличается от схоластических пассивной потенции, активной потенции и действия. Потенция имеет двойственное значение. Во-первых, она означает способность что-либо совершать, в другом же смысле это способность что-либо претерпевать. Первая способность имеет характер активности, а вторая означает возможность становиться чем-либо.

Таким образом, монада как центр деятельной силы является духовной единицей универсума, заключающий в себе стремление к наиболее полному представлению всего универсума в целом, исходя из того положения, которое она занимает во Вселенной и в соответствии присущей только ей индивидуальной перспективой, что делает ее уникальной субстанциальной единицей, понимаемой уже как субъект. Впервые субъекту как носителю творческого духа отводится фундаментальное по своей значимости место. Представление становится онтологической характеристикой универсума, сущностью которого является сила как деятельная активность, развертывающая свою суть в стремлении.

В своей переписке с королевой Пруссии Софией-Шарлоттой и кюрфюрстиной Софией Лейбниц рассуждает о существовании субстанции, отделенной от материи: «Так, когда говорят, что существуют нематериальные субстанции, то под этим подразумевают, что существуют субстанции, заключающие в себе другие понятия, именно восприятие и принцип деятельности или изменения, которых нельзя объяснить ни протяженностью, ни непроницаемостью. Эти существа называются душами, когда у них есть чувство, и духами, когда они обладают разумом» [Лейбниц 1984: 378]. Согласно Лейбницу, все конечные нематериальные субстанции сопряжены с материей «...души или деятельные формы находятся в ней повсюду» [Там же: 379]. И далее: «Чтобы составить полную субстанцию, материя не может обойтись без них, так как в ней всюду есть сила и деятельность, а законы силы покоятся на удивительных метафизических основаниях или умопостижимых понятиях и не могут быть объяснены одними понятиями материальными, или математическими, или теми, которые подлежат ведению воображения» [Там же: 378]. Так Лейбниц делает вывод о существовании нематериального во всех созданиях, и особенно в каждом человеке.

Весь мир, согласно Лейбницу, одушевлен, души обитают в нем повсюду. «Душа есть живая идея, или идея субстанциональная. Правильнее же, (душа есть) субстанция представляющая» – писал Лейбниц в одном из писем (цит. по: [Беляев 2007: 311]). Как и все субстанции, они не равны, но имеют отличия согласно их иерархии. Души животных, например, стоят ниже душ человеческих, так как обладают менее совершенным представлением. Человеческие души – души высшего ранга, именуемые также духами, могут удерживать в памяти свои представления с большей отчетливостью (сегодня это свойство мы называем личным внутренним опытом), они

обладают разумом и являются высшими монадами. «Если же монада имеет органы, – пишет Лейбниц, – таким образом приспособленные, что посредством их достигается в получаемых ими впечатлениях – а следовательно, и восприятиях, эти впечатления воспроизводящих, – большая отчетливость и раздельность (так, например, если благодаря известной фигуре влаги глаза лучи света концентрируются и действуют с большей силой), то это может повести к возникновению *чувства*, т. е. восприятия, сопровождаемого *памятью*, – восприятия, отголосок которого сохраняется на долгое время и при случае может быть снова услышан. Такое живое существо называется животным, а его монада – *душой*. Если же таковая душа возвышается до *разума*, она представляет собой уже нечто высшее и ее ставят в ряд духов» [Лейбниц 1982: 406]. Следовательно, духи возвышаются над душами, а те в свою очередь над прочими монадами, имеющими еще более смутное представление. Духи относятся к живым существам, обладающим естественным светом разума, то есть к человеку, души же присущи животным. «В обширном смысле все монады – души. Но чтобы выразить различие между главными классами вещей, а именно между простыми, ощущающими и сознательными душами, первые можно назвать вместе с Лейбницем просто монадами, или энтелехиями, вторые душами в узком смысле, а третьи – духами», – подчеркивал К. Фишер [Фишер 2005: 443].

Можно сказать, что духи – это усовершенствованные души, те души, представление которых осмысленно и осознанно. Те из них, которые развивают способность не просто более отчетливого представления, но и способность сознания, позволяющую прояснить их еще в большей степени, так как известно, что «истинно отчетливыми могут быть только сознательные представления, потому что только сознание способно строго различать» [Там же: 445], обретают статус духов. В «Монадологии» Лейбниц писал следующее: «Но познание необходимых и вечных истин отличает нас от простых животных и доставляет нам обладание *разумом* и науками, возвышая нас до познания нас самих в Боге. И вот это называется в нас разумной душой или *духом*» [Лейбниц 1982: 418]. Лейбниц подчеркивал наличие у духов не только сознания, но самосознания, способности собственное Я от окружающего мира, позволяющей познавать его во всей полноте, так как самосознание суть апперцепция: «Эти души способны к рефлексивным актам и разумению того, чему дают названия “я”, “субстанция”, “душа”, “дух” – одним словом, к разумению вещей и истин нематериальных. Это-то и делает нас способными к наукам и доказательным знаниям» [Там же: 407].

Однако представления человеческого духа также не обладают абсолютным совершенством. Несомненным предстает факт их осознанности, но в то же время не следует забывать о том, что в каждом человеке есть и бессознательное: «Низшая жизнь природы со своими темными и смутными представлениями достигает светлой области человеческого разума, ибо в сфере духа есть неясное и смутное сознание» [Фишер 2005: 445]. По этой причине во внутреннем опыте каждого человека содержатся некие поверхностные, нечеткие представления, предстающие как сквозь сон. Духи проходят определенные этапы в своем развитии и совершенствовании, ведь человек живет, постоянно получая новые знания, осуществляя мыслительный процесс в течение всей жизни. Духи также не равны между собой, среди них выделяются менее совершенные духи или простые человеческие монады, и наиболее развитые духи высшие или гении. Единственной монадой, представления которой ясны и отчетливы, является только Бог как Единое Существо и достаточное основание всего реально существующего: «Совершенно очевидно, что сотворенные субстанции зависят от Бога, который сохраняет их и даже непрерывно производит путем некоторого рода эманации, подобно тому как мы производим наши мысли», – писал Лейбниц [Лейбниц 1982: 138].

Необходимо обратить внимание на то, что Лейбниц всегда подчеркивал одушевленность всех без исключения живых существ, и в этом его отличие от многих предшественников. Например, Декарт говорил о животных лишь как о неких машинах, механизмах. Здесь мысль Лейбница близка к Спинозе, но у него одушевленность животных выводится из пантеизма, где душа осмысливается им достаточно упрощенно и характеризуется лишь как идея тела, в то время как у Лейбница душа – это «живая идея», деятельностная субстанция, стремящаяся к представлению.

Лейбниц давал следующую характеристику душам животных: «В восприятиях животных существует связь, имеющая некоторое сходство с разумом; но она основывается только на памяти о фактах или действиях, а вовсе не на познании причин. Так, собака убегает от палки, которой ее били, вследствие того, что память воспроизводит ей боль, причиненную этой палкой. И люди, когда они основываются только на опыте, т. е. в трех четвертях своих действий, поступают так же, как животные. Например, люди ожидают, что завтра будет день, на том основании, что постоянно испытывали это. Только астроном предвидит это разумом; да и его предсказание в конце концов не сбудется, когда исчезнет причина дня, никоим образом не вечная. Напротив, настоящее рассуждение основывается на истинах необходимых или вечных, каковы истины логики, чисел, геометрии, образующие несомненную связь идей и непреложные выводы. Твари, у которых таких выводов вовсе не замечается, называются животными; те же, кто знает эти необходимые истины, и есть именно те, кому дают название животных разумных, и их души называются духами» [Лейбниц 1982: 406–407].

Растения, согласно Лейбницу, тоже одушевлены, наделены представляющей силой. Он писал: «Существует тесная связь между людьми и животными, между животными и растениями и, наконец, между растениями и ископаемыми; ископаемые же в свою очередь находятся в теснейшей связи с телами, которые нашим чувствам и воображению кажутся мертвыми и бесформенными. Закон непрерывности требует, чтобы и все особенности одного существа были подобны особенностям другого, если только существенные определения первого подобны существенным определениям второго» [Там же: 213]. Принцип непрерывности показывает нам, что различие между «живыми» и «неживыми» телами не столь существенно, каким предстает на первый взгляд. Они вовсе не противоположности, но лишь ступени в едином прогрессирующем развитии природы, где нет никакой пустоты, «как между телами нет пустого пространства, так и между монадами нет области, которую природа, так сказать, позабыла бы наполнить силами или формами» [Фишер 2005: 448].

Лейбниц верит в бессмертие души, а смерть считает лишь свертыванием: «...в силу естественного порядка вещей и со строго метафизической точки зрения не существует ни рождения, ни смерти, а есть лишь свертывание и развертывание одного и того же одушевленного начала» [Лейбниц 1984: 391]. Жизнь, по Лейбницу, это всегда прогресс. Бытие каждой субстанции состоит в развитии, она претерпевает постоянную трансформацию, она всегда видоизменяется. Переселение души Лейбниц отрицает, утверждая, что душа в беспрестанном процессе собственных изменений изменяет и сами тела. В этой связи К. Фишер отмечал: «Он отрицает метемпсихозу и утверждает метаморфозу: всякая монада есть жизнь, всякая жизнь есть развитие, всякое развитие есть трансформация, или метаморфоза» [Фишер 2005: 401]. Таким образом, душа является не только вечной, но еще и вечно активной сущностью, поскольку ни на минуту не перестает участвовать в непрерывном потоке метаморфоз: «Душа меняет тело только понемногу и постепенно, так что она никогда не лишается сразу всех своих органов; и часто с животными случаются метаморфозы, но у них никогда не бывает метемпсихозы, или переселения душ. Не бывает ни душ, совершенно отделенных от тела, ни бестелесных гениев. Один только Бог всецело свободен от тела» [Лейбниц

1982: 426]. То, что мы называем рождением и смертью, есть не что иное, как формы жизни монады. Рождение – это увеличение, развертывание, а смерть, наоборот, есть свертывание и сужение: «Никогда не бывает также ни полного рождения, ни совершенной смерти, в строгом смысле, состоящей в отдалении души. И то, что мы называем рожденьями, представляет собой развития (developpments) и увеличения, а то, что мы зовем смертями, есть свертывания (enveloppments) и уменьшения» [Лейбниц 1982: 426].

Наиболее значимой особенностью учения Лейбница о душе является положение о ее бессмертии. Особенность эта состоит, главным образом, в том, какой смысл в философии Лейбница приобретает бессмертие души. Традиционно, бессмертие относят только к душе, но не к телу. Так, у Спинозы душа, будучи идеей тела, является идеей Божественной по своей природе, и после смерти тела ее существование не прекращается. «Отсюда следует, что душа будет продолжать свое существование и по разрушении человеческого тела, ибо это разрушение, очевидно, может касаться экзистенциальной, эмпирической стороны тела, но не может касаться тела как вечной сущности и вечной модификации Божества. Но, разумеется, это лишь онтологическое бессмертие; бессмертия же личного Спиноза не признает», – отмечал В.А. Беляев, сравнивая мысль Спинозы и Лейбница [Беляев 2007: 312].

Позиция Лейбница здесь отлична от позиции Спинозы и от предшествующих пониманий этого вопроса в том, что он признает личное, индивидуальное бессмертие. «Выражая точнее разницу между лейбницеvским понятием о бессмертии и обычным, а именно богословским, можно сказать, что теология считает индивидуум бессмертным, хотя он умирает, монадология же, напротив, считает его бессмертным потому, что он не умирает» [Фишер 2005: 403]. Коль скоро души и тела все время в единстве, превращения души влекут за собой превращения тела и их разъединение никоим образом невозможно, то и бытие тела так же вечно, как бытие души, и никак иначе быть не может. Таким образом, Лейбниц в полной мере отрицает смерть, бессмертие для него не нечто чудесное, но, наоборот, самое естественное явление, которое во всем согласуется с законами природы. Причем если по теологическим представлениям возможность бессмертия доступна лишь человеку, то у Лейбница оно выступает как неоспоримое качество любого из живых существ.

Таким образом, в философии Лейбница душа предстает как «живая идея», наделенная способностью представления. Способность представления Лейбниц характеризует как представление состояний тела. Будучи деятельностной субстанцией, душа имеет склонность к постоянным изменениям, которые влекут за собой изменения тела. При этом она не является просто идеей тела, но предстает именно «живой идеей», поскольку суть ее – внутренняя представляющая сущность души.

Библиографический список

- Беляев В.А.* Лейбниц и Спиноза. СПб.: Наука, 2007. 352 с.
Лейбниц Г.В. Два отрывка о принципе непрерывности // Лейбниц Г.В. Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 636 с.
Лейбниц Г.В. Монадология // Там же.
Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме // Там же.
Лейбниц Г.В. Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душою и телом // Там же.
Лейбниц Г.В. О предопределенности // Там же.
Лейбниц Г.В. Переписка с королевой Пруссии Софией-Шарлоттой и кюрфюрстиной Софией // Там же. Т. 3. М.: Мысль, 1984. 734 с.

Лейбниц Г.В. Рассуждение о метафизике // Там же. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 636 с.

Рассел Б. История западной философии. М.: МИФ, 1993. 509 с.

Торубарова Т.В. «Логос» антропоцентрической свободы в метафизике Лейбница // Метафизика антропоцентрической свободы (от Декарта к Канту). Курск: Изд-во «Курск», 1994. 143 с.

Фишер К. История новой философии: Готфрид Вильгельм Лейбниц: Его жизнь, сочинения и учение. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 734 с.